

ПРИРОДА

№ 4, 2005 г.

В.И. Булавинцев

Журавли

© “Природа”

Использование и распространение этого материала
в коммерческих целях
возможно лишь с разрешения редакции

Сетевая образовательная библиотека “VIVOS VOCO!”
(грант РФФИ 03-07-90415)

vivovoco.nns.ru
vivovoco.rsl.ru
www.ibmh.msk.su/vivovoco

Журавли

В.И.Булавинцев,

кандидат биологических наук

Институт проблем экологии и эволюции им.А.Н.Северцова РАН

Гибель уже дважды подстерегала молодого журавля, но судьба хранила птицу. Первая беда обернулась зарядом картечи, жестко хлестнувшей его по маховым перьям и тупо ударившей в живот несчастной сестре, летевшей рядом в осеннем журавлином клине.

Вторая встреча со смертью случилась тремя годами позже, на зимовке, в северо-восточной Африке. Пуля, бездумно пущенная шалой рукой черного мальчишки, начисто выбрив короткие перья поверх основания клюва, оставила шрам-отметину.

Долгий и опасный путь домой близился к концу. Журавль-вожак давно высматривал место для ночного отдыха, возможно, последнего общего ночлега стаи. Еще день-два, и птицы осядут на облюбованных болотах. Для молодого журавля это было пятое возвращение домой, время первой любви и начала семейных забот. Еще на зимовке, перед отлетом на родину, он присмотрел себе подружку, четырехлетнюю журавушку, с которой держался рядом.

Вот и теперь, на исходе дня, они летели неразлучной парой в клине журавлей, он впереди, рассекая сильной грудью ощутимо плотный воздух, она чуть сзади, следом. Внизу шелковис-

той зеленью простиралось море сосняков, испещренное серыми пятнами талого снега и черными кольцами закраин полуоттаявших торфяных озер, что веками покоятся в салатных рамках сфагновых болот.

Со вчерашней ночевки и весь нынешний день журавль ощущал непонятное волнение. Беспокойство его передалось и подружке. Высокие серебристые переливы ее кликов еще больше будоражили журавля. Он напряженно всматривался с высоты в странно знакомые, будто виденные когда-то давно места — сосновые массивы с проплешинами заболоченных гарей, угрюмо ошестинившихся поверх лоскутов талого снега мертвыми стволами болотных берез и сосен.

Он испустил вдруг протяжный, страстный крик. Мощная, неодолимая сила вырвала птицу из стаи и понесла на широко распластанных крыльях к земле, к забытой богом и людьми заболоченной гари.

Его журавушка чуть замешкалась, страшась лишиться так сразу, одним махом, привычной надежности стайной жизни. Но раздался повторный призывный крик друга. Резко свалившись на крыло, она отделилась от клина дружно закричавших ей вслед журавлей и кинулась вниз, догонять своего суженого.

Красивая и элегантная птица — журавль.

В ранних апрельских сумерках торфяная гарь вблизи оказалась еще угрюмее и непролазнее, нежели виделась с высоты журавлиного полета. Повсюду — невообразимое нагромождение обожженных и поваленных пожаром сосен с торчащими обломками ветвей и черными от торфяной грязи корневыми выворотнями.

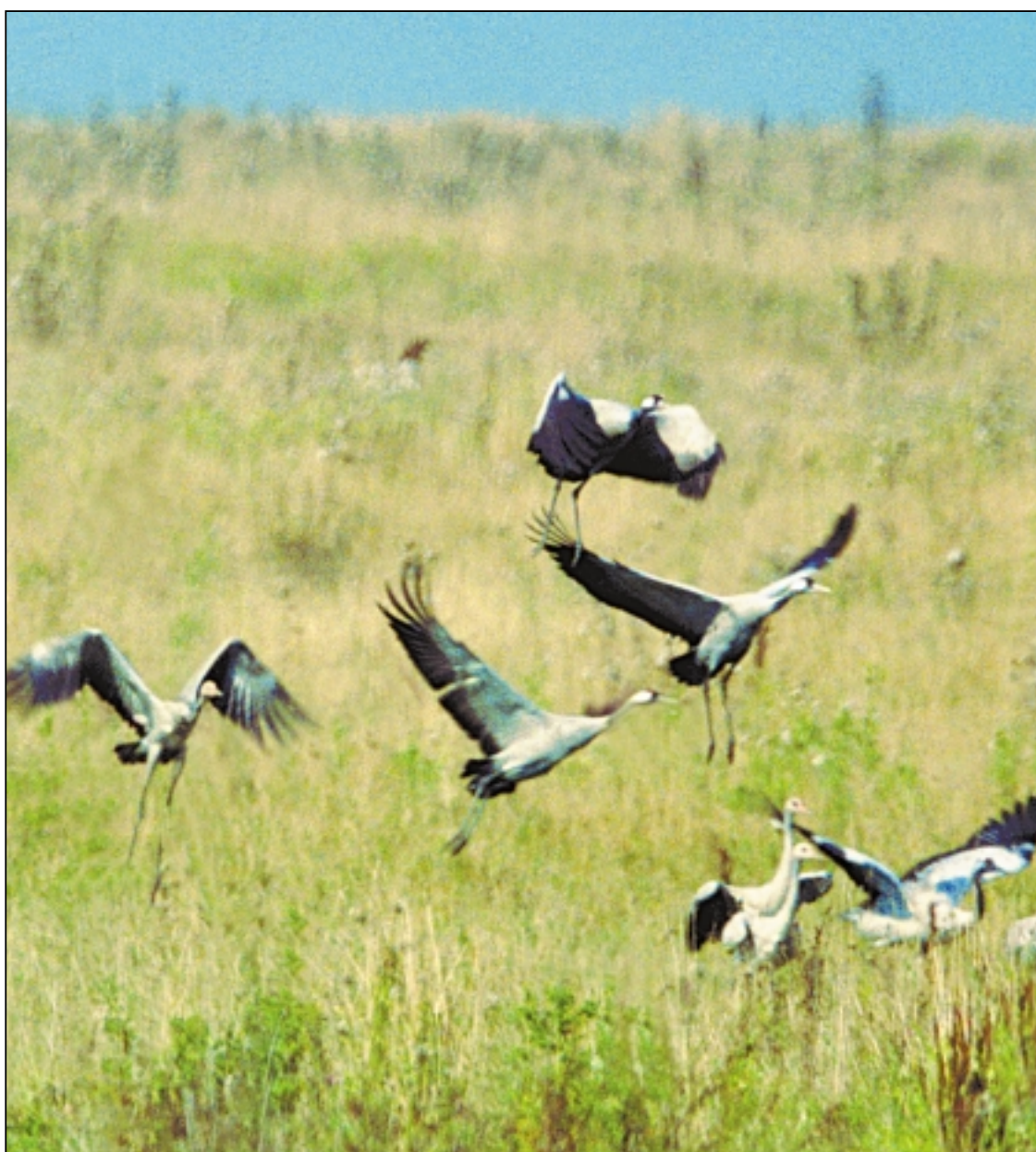
Молодая поросль березняка, чуть тронутая зеленым дымом полураскрывшихся почек, смягчала дикую картину первозданного хаоса и делала гарь еще бо-

лее скрытой и привлекательной для птиц. Прекрасное место для журавлиного дома.

Расслабившись, чуть распустив кольца бархатисто-черного тела, гадюка блаженно нежилась, купаясь в тепле майского полдня. Она жила на старой гари уже лет девять, каждый год приползая сюда весной, с зимовки, сразу после короткой поры любви. Здесь проводила лето, жирела, отъедаясь лягушатами и мышами. Вынашивала в своем чреве яйца и рожала под осень. Уже трижды за долгую, по змеиным меркам, жизнь она производила на свет гадючат.

Глухая и полуслепая, как все змеи, она чувствовала опасность телом, чутко улавливая малейшие сотрясения почвы под ногами редких здесь, на глухой гари, охотников и ягодников. Изредка беспокоили ее кабаны, но их торопливую поступь змея хорошо знала и за долго до приближения прожорливых тварей скрывалась в завалах полусгнивших корней, надежно укрытых зеленью мхов.

Беда свалилась откуда-то сверху. Тень огромных крыл бесшумно накрыла гадюку,

Снова на родной земле.

Фото автора

Будто бы и не в гнезде, а на куче травы отложены яйца.

Фото В.Ерохина

Совсем мал, но внимателен.

Здесь и далее фото автора

Такие заболоченные места для журавлей просто рай. В клюв журавлю попадают и ящерицы, и ягоды брусники, и ужи, и даже гадюки.

не успевшую толком даже испугаться. Короткий удар тяжелого клюва пришелся ей в затылок. Еще какое-то время тело змеи судорожно дергалось в клюве низко летящего журавля, но это были последние движения погибающей плоти.

К гнезду с добычей молодой журавль прямо не полетел. Присел в сторонке, мягко и осторожно, выставив вперед полуогнутые ноги и полоща полуоткрытыми крыльями. Змея в его клюве висела плетью. Не выпуская гада, журавль перехватил его поближе к голове и для верности сильно потрянул. Довольный собой, неторопливо зашагал, обходя завалы, с веревочно болтающейся в такт его мерным шагам добычей, скрытно подходя к гнезду с сидящей в нем журавушкой. Она уже седьмой день грела кладку — два крупных буро-оливковых с темным крапом яйца — покидая гнездо, чтобы чуть размяться.

Лето подкралось незаметно, обозначившись потеплевшими ночами, морозящими дождями да комариным звоном. Теперь, ближе к вылуплению птенцов, он сменял журавушку на гнезде утром и вечером, но она даже в эти редкие часы отдыха и кормежки держалась ближе к другу и будущему потомству.

Семейная жизнь оказалась нелегкой. Охотников до журавлиных яиц вокруг хватало. В самом начале, когда самка снесла первое яйцо, оно чуть не погибло в зубах старого лиса, жившего по соседству, в высокой отсыпке пожарного водоема на краю гари. Журавль заметил рыжего вора первым, всего в нескольких метрах от гнезда. Застигнутый врасплох, зверь злобно щерился на раздраженных и решительно настроенных птиц, но связываться с ними побоялся и поспешно заковылял прочь, вскидывая на кочках обвислым задом.

Несколько раз на гари появлялись кабаны, но они проходили по своим тропам, ближе к опушке соснового бора, окру-

жавшего гарь со всех сторон, и журавлиного дома не беспокоили.

Однажды ближе к вечеру около гнезда появилась енотовидная собака. Крупная самка. Злобное и упрямое существо оставило попытки добраться до яиц, только получив крепкий удар клювом по черепу и поплатившись за наглое вторжение на территорию журавлиной семьи кровоточащей ссадиной на затылке, за правым ухом.

Месяц насиживания яиц заканчивался, близилось время вылупления птенцов. Все мы приходим в этот мир мучительно трудно, журавлята не исключение. Задолго до вылупления малыши уже чувствовали присутствие родителей, понимали их сигналы. Насиживая яйца, журавушка часто прислушивалась к тому, что в них происходит. Она слышала приглушенный скорлупой писк птенцов. Волновалась, если звук был тревожным. Успокаивала их голосом, тихо и нежно.

Первенец заявил о себе еще затемно, до утренней зари, потревожив чуткий сон матери. Едва слышные удары клювика следовали мерно, с коротким интервалом, словно ход хронометра — тук, тук, тук. Птенец упрямо долбил скорлупу несколько часов кряду и пробил яйцо с тупого конца незадолго до восхода солнца.

Взволнованная происходящим, журавушка часто приподнималась, осматривая яйца. То, в котором нарождалась жизнь, лежало открыто, у груди насиживающей птицы, и треснуло только к полудню. Птенец беспокойно двигался в яйце, отчаянно пытаясь выбраться наружу. Наконец показалась мокрая прилизанная головка на тонкой облезлой шее. С видимым трудом крошка выпростал наружу крючковатое крылышко. Скорлупа чуть слышно треснула и развалилась надвое. Журавушка осторожно взяла обломок кончиком клюва, чуть пятясь встала с гнезда, отбежала

в сторонку и спрятала скорлупку в мох. Торопясь, почти бегом, вернулась. Вторая половинка скорлупы, прилипшая к задку птенца, никак не отваливалась. Он беспомощно барахтался, пытаясь освободиться, быстро уставал и замирал, уткнувшись коротким сероватым клювом в дно гнезда и прерывисто дыша всем тельцем. Журавушка аккуратно теребила его кончиком клюва за голое крылышко, понуждая двигаться, выбираться из плена. Наконец мокрый, вымазанный слизью уродец освободился, чуть отполз в сторону и затих, поджав к животу мосластые лапы и коротко подрагивая непомерно большой для тщедушного, словно сплющенного с боков, тельца головой. Он лежал мокрый, почти черный, в лучах слепящего июньского солнца больше похожий на допотопную рептилию, чем на птенца. Убрав остатки скорлупы, журавушка снова села на гнездо, осторожно укрыв собой птенца и оставшееся яйцо, в котором слышались уже знакомые ей звуки — тук, тук, тук.

В замшелом сыром сосняке, на краю гари, коротко и хрипло вскрикнула сойка. Невесть откуда взявшаяся в этой лесной глуши ворона, явно обеспокоенная переменой погоды, поспешно тянула к дальнему ельнику, тяжело загребая крыльями в темнеющем предгрозовом небе. Посреди гари, на сухом островке с редкими соснами, всполошились и тут же смолкли рябинники. Как-то сразу оборвались журчливый песни кобылок. Все замерло в тяжелом и тревожном ожидании, повисшем в недвижимом воздухе.

Свинцово-сизые громады грозных туч, гибельно желтые понизу, клубясь и пучась, валили от кромки дальнего леса, теснясь и толкаясь, в жадном стремлении поскорее сожрать остатки вечерней синевы июньского неба.

Уже подсохшие рыжеватопалевые пуховики сидели

в гнезде, тесно прижавшись друг к другу. Журавушка, собиравшая в кочках пушицы кобылок, тревожно поглядывала в сторону быстро темнеющего неба. Сейчас непогода была ой как некстати. Ее малышам требовалось тепло и солнце; сырость и холод губительны для них. Выждав минуту-другую, она решительно пошла к травяной куче-гнезду, желтеющей на салатовой зелени мха. Встав над гнездом, птица распушила перья живота и мягко накрыла собой слабо попискивающих птенцов. Ее беспокоило долгое отсутствие журавля, кормящегося где-то неподалеку, но из осторожности голоса не подавала. Журавль не выдержал долгого молчанья самки и первым коротко окликнул ее, подлетая к гнезду с дальнего края гари и торопясь успокоить подругу.

По нижней кромке недобро потемневшего неба полоснула дальняя, еще немая зарница. В неподвижно-стылом воздухе возникло вдруг легкое, тревожное движение, тут же замершее. Мгновением позже порывом налетел ветер, разом вздыбивший перья на спине журавля.

Тяжелые, поначалу редкие капли дождя, бесследно таявшие в мягких мхах, вдруг зачастили и хлынули ливнем. Серые, рваные космы его, гонимые и терзаемые порывами ветра, хлестко стегали по спинам птиц. С сухим, оглушительным треском ударила первая молния и следом, словно взбесившись, с неистовой злобой и усердием стихия принялась жалить землю слепяще белым пламенем бездумной ярости. Земля и небо смешались в хаосе дикого разгула грозовой бури.

Смертельно напуганная необычайно сильной грозой, журавушка вздрагивала всем телом при каждом ударе молнии. Но вскоре окончательно поте-

рялась от страха и, содрогаясь от ужаса и бессилия перед разразившимся буйством природы, потеряла ощущение реальности. Ее словно не стало, были только крошки птенцы, которых она спасала, прикрыв собой.

Гроза выдохлась только к полуночи. Ливень прекратился, оставив после себя порядочные лужи в замшелых ямах около корневых выворотней и донельзя насытив влагой все вокруг.

Журавушка, все еще дрожащая то ли от пережитого страха, то ли от знобкой ночной стылости, так и просидела до утра, нервно вздрагивая и чуть слышно окликая дремлющего рядом с гнездом журавля.

Птенцы, два брата, росли шустрými и любопытными. Спустя неделю после памятного ливня, они всю бегали, не отставая от родителей, терпеливо обучавших их первым навыкам самостоятельной жизни. Где пищу искать, что есть можно, чего нельзя. Кого опасаться, куда нос не совать. Словом, почти как у людей, наука несложная, да больно нудная.

К началу июля подросшие журавлята, неуклюжие и голенастые серовато-коричневые увальни, начали оперяться. Они все еще неотвязно следовали за родителями, посуху бегом на коротких еще лапах, по воде, где поглубже, вплавь.

Шло время. К августу подернулись сизым бархатом спелых ягод кусты голубики. По солнечным припекам налились сочной мякотью ранние гроздья брусники. Всюду стрекотали бесчисленные кобылки. В воздухе, напоенном солнечной пылью и терпким ароматом багульника, реяли, слюдянисто поблескивая прозрачными крылышками, разбойницы стрекозы.

Теперь семейство журавлей кормилось по всей гари. Одетые в серо-бурое перо в темных пес-

тринах поверху, летные птенцы важно вышагивали по мелкой воде вслед за взрослыми, ловко склевывая кобылок, выживая лягушат, пощипывая ягоды. Заболоченная гарь жила своей привычной жизнью.

Ближе к осени семейство журавлей стало вылетать на окрестные поля, чтобы полакомиться остатками зерна в жнивье. Каждый вечер они возвращались к себе на заболоченную гарь, взрослые впереди, молодые следом, пища и торопливо взмахивая неокрепшими еще узкими крыльями.

Осень пришла рано. Семейство направлялось к местам осеннего сбора журавлиных стай. Обширные пойменные болота, веками принимающие по осени сотенные стаи длинноногих птиц, служили им местом ночного отдыха, окрестные поля давали пищу.

Недели стайной жизни пролетели незаметно. В сумерках раннего сентябрьского утра, следуя зову вожака, их стая — два десятка взрослых и дюжина подросших птенцов — суетливо, с криками и хлопаньем крыл покинула гостеприимное болото. Широкими кругами набрав высоту и выстроившись однобоким, косым клином, птицы потянули к горизонту, купаясь в лучах восходящего солнца. Внизу посеревшие от осенних дождей поля сменялись чуть тронутыми золотом лесами и перелесками, тускло поблескивали в лучах скупого осеннего солнца серые змейки рек. У крутой излучины неторопливо текущей реки ударил вдруг колокол. Рожденные им торжественно-печальные звуки поплыли над землей, поднимаясь ввысь, навстречу журавлиному клину, сливаясь с прощальными криками улетающей стаи.

Долгой жизни тебе, журавлиная Русь! ■